

Николай Абрамович

ДЕТСКИЙ МИР И ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

*Абрамович Н. Я. Детский мир и вопросы общественности //
Воспитание и обучение. 1907. № 11. С. 337–348.*

Нужно или не нужно посвящать детей в вопросы общественности, ворвавшиеся теперь в жизнь с такой силою? Вот вопрос, на который наша детская художественная литература в преобладающем большинстве своих произведений дает молчаливый отрицательный ответ.

Молчаливый ответ потому, что произведений, посвященных жгучим темам общественной борьбы, разъясняющих детям вопросы жизненного устройства, у нас почти не имеется. Как будто детский мир — это островок, омываемый пустынными морями, отделенный ими от кипящего политическими злобами для общества; как будто дети окружены магической чертой неведения, и ничего из того, что делается вокруг, не видят и не слышат; как будто их нервы менее наших потрясены ужасными событиями, очевидцами и даже жертвами которых они были. Может быть, мысль отстранить временно детей от разрешения непосильных недоразвившемуся уму вопросов и имеет за собой известную долю практического смысла. Конечно, на слабые, хрупкие плечи нельзя возлагать непосильного бремени, и лучше подождать того времени, когда дети станут взрослыми и сознательно вступят в мир сложных и острых интересов общественности.

Но вот беда: от фактов и событий окружающей действительности не оградить детскую пытливость никакой китайской стеной, в особенности, если эта действительность сама врывается в детский мирок и детское сознание фактами и событиями поражающего зверства и жестокости. Ребенок живет в доме, атмосфера которого в такое время, как наше, не может быть не насыщена вопросами общественного характера; ребенок ходит по улицам, редкая из которых не обгадилась человеческой кровью. Не ясно ли отсюда, что в сознание ребенка проникает масса сложных и трудных вопросов и недоумений? Что же — оставлять его с этим грузом, носимым

внутри себя, предоставляя ребенку самому доходить до диких абсурдов в разрешении того, причины и смысл чего ему совершенно неизвестны?

Скажут, быть может, что такого рода труд должен быть оставлен на долю домашних ребенка, что эти вопросы касаются области интимного воздействия близких и родных.

Но если учитель, если педагог и может быть прав, считая, что это дело не его, то писатель, говорящий через страницу детского журнала с душой ребенка, затрагивающий основные интересы его умственного мирка, не может отклонить от себя то, что, по существу, является его прямой задачей.

Здесь вопрос, который нами затронут, находит для себя более широкую почву разработки, ибо переносится с точки зрения сегоднешнего дня, насыщенного всевозможными политическими «злобами», на точку зрения всякой эпохи, каким бы общественным застоем она ни характеризовалась.

Дело в том, что детская беллетристика, являющаяся предметом серьезной художественной работы писателя, а не подделкой под детский язык и детское понимание, есть, или по крайней мере, должна быть таким же правдивым и живым воспроизведением жизни, как и беллетристика общая. Разница здесь только в объеме захватываемого мирка интересов и впечатлений, правильное сказать, различие в самих мирах, отражаемых художников. Есть мир детей — и мир взрослых, каждый требующий одинаковой правдивости и простоты своего произведения от художника. Для того чтобы писать то, что *понятно и интересно* детям, нужно обладать в усиленной степени чутьем художника-психолога, не поддельвающегося под детские интересы, а входящего в их мирок. Таков был величайший писатель для детей Г.-Х. Андерсен. Если так, то выбрасывать из детского мира все то, что бывает общим для него и для мира взрослых — значит совершать непонятное лицемерие.

Но кроме того, если даже не предьявлять особенно строгих требований художественности по отношению к детским беллетристам, то все же придется натолкнуться на противоречие. Дело в том, что беллетрист, не фантаст, не романтический сказочник в духе Гофмана, рисующий только рыцарей, русалок и фей, гномов и пр., а жанрист, изображающий различные уголки жизни, — не может не коснуться разнообразнейших видов человеческого страдания и выносимых людьми обид, унижений, несправедливостей, насилий, мук изнуряющей работы, голода, нужды и пр. А такого рода произведения, с целью пробудить в ребенке жалость, страдание,

альтруистические и гуманные чувства, преимущественно и делались нашими писателями для детей. Цели, ими поставленные, достигались. Ребенок знакомился с тысячами несовершенств и тягот окружающей жизни, оценивал их, и пробуждаемое этими воспроизведениями чувство его разрешалось в массе тревожных и недоумевающих вопросов: почему? как? отчего? На душе ребенка постепенно накапливался все увеличивающийся тягостный груз таких недоумений. Если в ребенке ум пылливый, а впечатлительность острая, то работа задавалась ему огромная, об облегчении же этой работы не думали.

«Это непонятно ребенку: еще рано для него интересоваться вопросами общественного уклада», такие голоса слышатся очень часто. Но разве не детская беллетристика пробудила в умах детей все эти тревоги недоумения? Раз им преподносится один сырой материал жизненных воспроизведений (морализирование роли не играет никакой, да и *настоящие* писатели обходятся без него), то естественно, что ребенка оставляют наедине с его тревогами и недоумениями. Предполагать же, что ребенок, заинтересовавшись фабулой рассказа, пройдет мимо возбуждаемых им вопросов, пассивно воспринимая впечатления отраженной беллетристом жизни и не реагируя на них ни обостренным чувством, ни мыслью, — значит не считаться с детской психологией, или не знать ее.

Ребенок спросит, почему — бедность и нищета, почему — тюрьмы и смертные казни, почему для героя прочитанного им рассказа вся жизнь — удушливый и оглушающий ад заводской мастерской с ее грошовым заработком, или автоматическая безответность и унижительная приниженность человека в казарменной атмосфере? Почему такие ужасы существуют? Как их люди выносят? Почему не изменяют жизни? Тысячи таких не оформленных, не приведенных в полную ясность вопросов роятся в голове ребенка.

Не давать ответа на них, замалчивать такие вопросы — это, в значительном большинстве случаев, утверждает в голове ребенка сознание в неизбежности, в какой-то фатальности таких законов зла и страдания. Склонный к задумчивости, глубоко впечатлительный ребенок вырастает со смутным чувством страха перед жизнью, как перед роковой силой, уродующей и калечащей душу человека в грубом водовороте жизненной борьбы. И не одна слишком нежная и чуткая душа носила на себе мертвенный отпечаток этого *страха жизни*, обуславливающего нежизнеспособность и неприспособленность к жизни. Интересному и сложному вопросу о страхе жизни в связи с условиями воспитания мы посвятили особые страницы,

здесь же нас интересует частный вопрос о воздействии детской беллетристики. В целях дать и умственное (в смысле сведений и подготовки) и нравственное оружие ребенку в предстоящей ему жизненной борьбе, не было ли бы чрезвычайно важно и полезно вводить в его сознание через питающую его ум детскую журналистику именно те вопросы общественности и вообще окружающей жизни, благодаря которым в ребенке и подготовят мужественного и стойкого борца за идеалы гуманности и свободы?

Разве у детской литературы могут быть какие-нибудь иные цели, кроме тех, которые предполагают развитие в ребенке необходимых умственных и нравственных сил, дающих возможность и широкого развития личности? Разве детский писатель, собирая вокруг себя более или менее многочисленную аудиторию маленьких читателей, может не иметь в виду, что ребенок — это будущий взрослый и сознательный член общества, детство которого, кроме самостоятельного значения, как вообще жизненной эпохи, дающей и радость и полноту существования, имеет еще значение великой подготовки к будущему? Иллюстрировать повестями и рассказами школьные сведения или выводы сухого морализирования — это ли настоящая задача детского писателя?

Если и раньше в нашей детской беллетристике замечался большой пробел, то в настоящие дни коренного обновления жизненного уклада чувствуется еще большая потребность в существовании такого литературного материала для детей, который способствовал бы развитию в детях начал свободной общественности, разъясняя им многие затронувшие детскую пытливість вопросы жизни и тем давая выход смутному «брожению» детских умов.

Чисто человеческий долг каждого живого органа печати включает в себя и долг гражданский. Развитие чувства гуманности, красоты, долга, развитие самосознания — все это неразрывно сочетается с теми необходимыми детям начатками гражданственности, которые являются составной частью питающих детский мирок интересов и только искусственно могут выделяться из него.

Не является ли характерным результатом именно этого «выделения» тот повторявшийся у нас всегда и всюду факт, что ребенок, живший до юношеских лет или в заколдованном мире полного неведения общественной борьбы, идеалов и стремлений, или же бессильно путавшийся в хаосе отрывочных и спутанных понятий, при первом же усиленном толчке к пробуждению самосознания вдруг выходил, как Колумб, на какую-то вновь открытую землю новых интересов, идей и теорий, будучи совершенно не подготовлен

к ней, отдаваясь этому новому течению идей тем болезненным экстазом, с той лихорадочной страстностью, которая делала не сильных и плодотворных борцов, а экзальтированных жертв идеи?

Следовало бы хорошенько подумать об этом. Честь и слава, конечно, самоотверженным героям долга; но всем тем, из чьих рук ежегодно выходят на «ниву жизни» новые и новые поколения, необходимо спокойно и внимательно присмотреться ко всем условиям роста и формирования молодежи, которые обусловили именно такой-то характер деятельности и были в значительной степени причинами многих печальных событий и фактов.

Здесь цель воздействия детской журналистики должна была бы заключаться не в том, чтобы замалчивать идеи и мысли, так безумно кружащие потом головы молодежи, и не в том, чтобы заглушить пытливість к ним, а в том, чтобы существующий интерес и тяготение ввести в здоровое и живое русло, открывая ребенку последовательный путь в реальную окружающую жизнь, составляющую предмет любопытства и стремлений ребенка.

Что касается самих сведений, о полноте которых заботятся и школа, и детская литература, то и здесь при отсутствии даже намеков на реальную борьбу, совершающуюся в жизни, будет, несомненно, большой пробел.

Посвятить детей в некоторые частности политико-общественных интересов! Для многих соединение слов: дети и политика — было ересью, а самые слова: общественность и политика, в их применении к детскому миру казались жупелом. Но, во-первых, необходимость известных границ здесь отрицать совершенно невозможно, а во-вторых, сама жизнь приводит к разрушению искусственных преград между детьми и жизнью вообще, открывая в этой последней для детского ума все то, что он взять может.

Уже раздаются голоса о введении в курс школьного преподавания многого из того, что считалось запретным плодом, в целях нормального удовлетворения той пытливости, которая при системе запрета только еще больше разжигается, создавая уродливые и извращенные представления. Мы не имеем в виду разрешать здесь такого рода вопросы, но что касается тяготения юноши или мальчика среднего возраста к закрываемой от него общественной, экономической и политической стороны жизни, то здесь умственная потребность ребенка должна быть признана совершенно законной и в пределах доступного для детского ума должна быть удовлетворена.

Не удовлетворяйтесь же бессистемным нагромождением в памяти ребенка одних лишь печальных и трагических историй жизни,

без всякого указания на причины бедствий, на возможность выхода из такого крошечного ада, каким должна представляться жизнь ребенку. Нельзя питать одно лишь чувство, непрерывно обостряя его, не давая в то же время ничего уму. Только тогда, когда ребенок будет знать, что есть возможность реальной живой борьбы со злом, что есть пути к равенству, свобод и справедливости, только тогда условия его развития могут быть названы нормальными, потому что мало развивать в себе жалость и милосердие, мало сострадать, мало сочувствовать, надо еще знать, как добиваться справедливости и что делать для ее осуществления.

Не должны ли юноша и отрок знать об основах государственного порядка, о законе, о праве, о гонениях на религию, на печатное и устное слово, о причинах экономического рабства рабочих, невежества и нищеты крестьян, богатства, бедности, о мучениках освободительной борьбы, о грядущем идеале социалистических учений?

Знакомьте ребенка с жизнью. Он должен знать жизнь. Не оставляйте его вырастать беспомощным и в хаосе отрывочных и спутанных представлений о жизни. Этим достигается великая цель той подготовки будущего поколения к сложной и тяжелой работе жизни, которая дает ему возможность спокойно и глубоко овладеть этой работой и стать мощным работником на жизненной ниве. Нельзя обрывать последовательной связи между ребенком и взрослым. Жизнь жестоко мстит за такое попираание ее естественных законов бессилием и беспомощностью. Нужен закал, нужно хорошее вооружение для жизненной работы, — давайте и то и другое с детства. Тогда вырастет не пассивный и робкий «обыватель», а гражданин, знающий, что такое право, культура и свобода, и умеющий защитить их и свое чувство человеческого достоинства.

Интересно отметить то обстоятельство, что, как бы идя навстречу назревшей в обществе потребности, появилась книга, посвященная именно той цели, о которой мы говорим в применении к детской журналистике. Книга эта принадлежит перу Арнольд-Форстера и называется: «Права и обязанности юного гражданина».

Книга снабжена предисловием знаменитого автора «Адам Бид» Джорж Эллиот, указывающей в предисловии на задачи книги — научить британских детей их гражданским правам. В книге идет речь об истинном патриотизме, об обязанностях граждан, о государственном управлении, об издании законов, о хозяйстве страны, о судопроизводстве, об армии и пр.

Мы не станем здесь входить в оценку литературных достоинств книги. Нас интересует только то, что цели, преследуемые ею, при-

знаны настолько жизненно-необходимыми, что, напр., в Англии разошлось ее триста десять тысяч экземпляров, а в Японию для детских школ и для частных семейных надобностей потребовалось громадное количество экземпляров этой книги.

У нас, где правосознание и чувство гражданственности развито еще так слабо по причинам слишком хорошо известным для того, чтобы о них говорить, потребность в воспитательном воздействии такого рода огромна. Перед нами в этом отношении лежит еще совершенно не вспаханная целина, по которой плуг педагога, детского беллетриста и воспитателя должен пройти в первый раз. Все специфические свойства нашего «обывателя», его развиваемая теперь толчками политического движения инертность, робость, пассивность, в значительной степени связаны с той системой воспитания, из которой всякий признак гражданской сознательности тщательно изгонялся.

Нельзя терять времени с напоминанием об этих необходимых потребностях нашего воспитательного дела. Вместе с общим политическим обновлением страны должен быть также поднят вопрос и о детях. Они должны войти в освежаемую атмосферу перестраиваемой жизни с более или менее ясным сознанием всего творящегося вокруг них. Они должны понимать, где и в каких жизненных условиях они живут и каковы общие, по крайней мере, основы того труда, который несут отцы, родные и знакомые детей и который обуславливает движение жизненного механизма в стране.

Развитие активности, самостоятельности, это одно из главных условий для подготовки жизнеспособного, умственно и нравственно сильного поколения. А этого можно достигнуть только развитием сознательности, расширением кругозора познаний детей о мире и об обществе, в котором они живут. Тот, кого ведут на помочах, у кого завязаны глаза, кто не знает, где и куда его ведут, конечно, будет в своих шагах неуверен и слаб. Уверен, настойчив и силен шаг только того, кто видит широко открытыми глазами, куда он идет, знает свою цель и движется по собственной, толкающей его вперед, воле.

Помогать ребенку вырабатывать ясное, твердое и устойчивое сознание об окружающем мире, значит снабжать его тем неоценимым оружием, без которого жизнь должна превратиться или в полуживотное обывательское прозябание, или в мучительную трагедию бессилия неприспособленных к жизни, не умеющих отстаивать в ней свои права людей. В детстве лежит в потенции всё будущее. Это не следует забывать.